

- 1 -

Кто там? Мужчина? Ну, так и быть, заходите скорей, двери сейчас закроются. Садитесь, поедem вместе. Вы, главное, аккуратней, не запачкайте ботинки — хоть прогресс и идет вперед, пригородных электричек он мало касается. В них пьют, ссут и блюют, как и семьдесят лет назад. Если что с тех пор и изменилось, так просто врать стали меньше. Теперь никто хотя бы не утверждает, что эти серые вагоны доставляют в восхитительную столицу нашей Родины рабочую силу, перед которой надо преклоняться, поскольку именно она, захаркав весь тамбур и исписав его матом, бросится обеспечивать нас с вами самым необходимым.

Вам вот что необходимо?

Лампочка накаливания, рулон туалетной бумаги, батон хлеба, желательнее по свежее? Не нервничайте, никакого подвоха тут нет, всем нужна туалетная бумага, другое дело, что редкое обще-

ство в течение семидесяти лет кланялось в пояс ее производителям. Да впрочем, теперь это уже неважно — ни для кого больше не секрет, что пригородные электрички набивают свое нутро обученной примитивным навыкам биомассой и перетаскивают ее с места на место.

Нам выходить через одну, перегоны на этом участке короткие, так что есть шанс, что вам не случится воочию увидеть тех, кто так оглушительно ревет в тамбуре.

Мы выходим через одну.

Не уверены, что вам стоит выходить в Мытищах? Да бросьте, вы уже столько со мной проехали, можно немного и пройтись. Вот, кстати, и наша остановка. Не волнуйтесь, тут уже недолго. Сейчас спустимся с платформы, буквально пятьсот метров вдоль железного забора, и мы на месте. Вы никогда не задавались вопросом, почему в этой стране люди питают такую страсть к заборам? Каких только заборов у них нет! Из звенящего на ветру профнастила, из дерева, из кирпича, самые убежденные поклонники уединения возводят даже бетонные стены с колючей проволокой поверху. Невольно создается впечатление, что этим людям есть что оберегать, но мы-то с вами отлично знаем, что впечатление это в корне неверное — особенно если речь идет о Мытищах.

Видите вот то двухэтажное здание, естественно, за забором?

Туда-то мы и идем. Как вы можете заметить, прочитав плохо подсвеченную вывеску, это частная школа “Полигистор”, основанная в 1999 году. На самом деле это интернат, но у слова “интернат” издавна дурная слава. Поэтому всегда лучше чуть-чуть соврать, дабы сохранить общественное спокойствие — согласитесь, куда приятнее каждый день идти в магазин мимо “частной школы”, чем “интерната”. В первом случае у вас есть пространство для классовой ненависти, не самого высокого градуса, но все же позволяющей ощутить себя хуже тех, кто может заплатить за обучение своих детей. Во втором случае классовая ненависть обращается непосредственно на вас, это ведь вы ходите до магазина и не сдали своих детей в интернат, от чего вам каждый раз становится стыдно.

Кажется, пришло время объяснить вам, зачем мы среди ночи идем в интернат “Полигистор”, раз уж мы туда идем. Пролезайте здесь, между прутьями, их согнули специально для этого. Сейчас мы войдем в здание общежития и поднимемся на второй этаж, где живут девочки.

Ладно, не бойтесь, никто нас не поймает. Почему я так в этом уверена? Ну, во-первых, я здесь не раз уже бывала, а во-вторых, никому нет до нас с вами дела. Это горькая для многих людей истина, но в нашем с вами случае она исключительно на пользу.

Нам нужна третья дверь справа, за ней не спит девушка, с которой я хочу вас познакомить. Уверена, она вам понравится. А не понравится, тоже не велика беда, вы оставите ее при первой возможности, за семнадцать лет своей жизни она к такому обращению вполне привыкла. Открывайте дверь и заходите, присаживайтесь, почувствуйте себя как дома.

Вы не туда смотрите, наша девушка не блондинка, которая спит, засунув между ног одеяло, а брюнетка. Блондинка — это соседка, зовут ее Люба Красилова, и самое интересное случится с ней в августе, когда она познакомится в сети с серийным маньяком, думая, что он полковник ВВС США в отставке, Лаггу В. Jenkins. Но этого еще три месяца дожидаться. А нашу девушку зовут Марта, вы отодвиньтесь чуточку, видите, она хочет что-то взять из шкафа. Мы с вами успели вовремя, к самому началу истории, наша Марта собирает рюкзак, чтобы под утро сбежать из интерната “Полигистор”.

Как она вам, кстати?

На мой вкус, очень приятная девушка, и, поверьте, очень способная. Если бы она передумала убегать, если бы засунула рюкзак под кровать и просто легла бы спать, ее будущее могло бы быть просто блестящим. На выпускных экзаменах она бы получила такой высокий балл, что ее бы рвали друг у друга самые достойные универ-

ситеты нашей Родины. Отучилась бы где-нибудь годик-другой, подала бы на иностранную стипендию и свалила, как нечего делать. Но это, согласитесь, не совсем та история, которую вам было бы интересно услышать, не так ли? У вас имеется собственная никчемная жизнь, к чему умирать от скуки, слушая историю чужой.

Что мне рассказать вам о Марте, пока она собирается? То, что она красива, вы и сами видите, а то, что умна, вам увидеть не получится, придется поверить мне на слово. Или, что тоже вероятно, у нас с вами разные представления о том, что считать или не считать умом. Если взять за крайнюю точку Ларри Б. Дженкинса, то, пожалуй, мы сойдемся, но я тем от вас и отличаюсь, что ценю человеческие порывы. Безусловно, часто они приводят к Ларри Б. Дженкинсу, но движет людьми не страсть к саморазрушению, как вы наверняка думаете, а жажда жизни.

И Марта не исключение. Глядя сейчас, как она курит, свесившись из окна, выставив вам на обозрение обтянутую джинсами попу, вы вряд ли поверите, что это едва ли не самый разумный человек из всех, кого вам доведется встретить на этих страницах. Просто, в отличие от вас и многих вам подобных, ей понадобилось не пятьдесят лет, а всего лишь десять, чтобы осознать, в каком дерьме она находится. Нет, я вполне допускаю, что и вы отдаете себе в этом отчет, но то ли

вы профукали свой рычаг, то ли пока не нашли. Под рычагом я понимаю некое событие, зачастую обиденное, на которое вы отреагировали не так, как обычно (то есть никак).

Кажется, Марта что-то пишет в телефоне, вы не видите — что? Ладно, не утруждайте себя, она пишет:

Яша, единственный человек, по которому я буду скучать, — это ты.

А сейчас вытаскивает из телефона симку и разрезает на две части маникюрными ножницами, а сам телефон оставляет на столе. Дальше она вылезет в окно, до земли метра два с копейками, так что, если опасаетесь, лучше спуститься по лестнице. Нет, вас никто не поймает, как я и говорила — никому никакого дела до вас нет.

- 2 -

Вы знаете, что девочки в подростковом возрасте часто воображают, что их снимает камера? Одно время эту фантазию даже хотели причислить к психическим расстройствам, хотя при чем тут психические расстройства? Каким же тутим, ржавым мозгом нужно обладать, чтобы хоть на секунду допустить, будто девочки-подростки могут быть удовлетворены той жизнью, которой они живут.

Требования, выдвигаемые к ним обществом, почти всегда взаимоисключающи, но неизменно лицемерны. Науку лжи необходимо освоить прежде всех наук, чтобы, погружаясь в беспроедную скуку, сохранять на губах заинтересованную улыбку.

Просто вообразите себе на секунду эту картину. Все наперебой рассказывают вам, как важно хорошо учиться и получить профессию и как опасно забыть на все это, нехстати влю-

бившись. Это еще можно понять, если бы юных девушек побуждали бросать все силы на освоение перспективных и интересных профессий, но как раз этого не происходит. Матери с каменными задницами, просидевшие полжизни в бухгалтериях, упиваются своей добродетелью и желают дочерям такой же судьбы. Нет бы хоть одна честно призналась в том, что складывает цифры в столбик не потому, что таково ее призвание, а просто потому, что ни на что другое не способна.

Не отстают и отцы, все эти стратеги гаражных склок, генералы пластиковых окон и солдаты армии бездарного ремонта. Они, правда, редко когда питают надежды на карьерный рывок дочери, их больше волнует, не даст ли она кому-нибудь не тому. “Не тот” в понимании отцов — это любой мужчина, преуспевший в жизни больше, чем они сами. Особенный ужас у них вызывает возрастной мезальянс. Казалось бы, нет ничего более естественного и приятного, чем сексуальные отношения молодой женщины и мужчины постарше, более опытного, раскованного, принявшего себя и свое место в жизни.

Но нет!

Только не это.

Необходимо найти ровесника, неуверенного в себе, гонимого всеми кретина, чей постельный опыт исчерпывается пьяной однокурсницей и не

менее (а то и более) пьяной проституткой из подворотни.

Вот это — то что надо для старта нормальной жизни.

Ну да ладно, вернемся к Марте, которая как раз приближается к трассе М-8.

В самое ближайшее время ее назовут лучиком света, очаровательной и безрассудной, не приемлющей ложь и готовой бороться за себя.

За плечами у нее висел черный рюкзак, где лежали два желтых и два красных носка, трусы, книга Алена Роб Грийе, которую она открыла один раз и читать это было невозможно, тушь для ресниц, помада, обещающая оттенок “матовый шоколад”, упаковка тампонов “котекс”, чужой сарафан с открытой спиной и флакончик антисептического геля для рук “роза” (ваши руки пахнут розами, где бы вы ни находились). Паспорт, сообщающий, что она родилась в Архангельске в 2000 году, остался в канцелярии школы-интерната “Полигистор”, откуда она, как мы знаем, сбежала и куда нам, к сожалению, еще придется вернуться.

Через три дня газеты по всей стране обратятся к обществу с вопросом: как оно допустило, чтобы дети чувствовали себя настолько беззащитными? — а пока наша Марта вытащила из мятой пачки красного “мальборо” предпоследнюю сигарету, прикурила и вышла на обочину.